

2. Щаьыйев т.и. Сатиранын дили. - Бакы: 1975. - С. 108.

3. Мустафайев И.В. Цряйя ишыг салан тябяссцм // Щцсейнов Я. Сянят йаньысы. - Бакы: Йазычы, 1979. - С.13.

УДК 82.09 (479.24)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОМАНЕ ЧИНГИЗА ГУСЕЙНОВА «НЕ ДАТЬ ВОДЕ ПРОЛИТЬСЯ ИЗ ОПРОКИНУТОГО КУВШИНА»

В.А. Видадова

Бакинский славянский университет, Азербайджан

Творчество известного азербайджанского писателя Чингиза Гусейнова отличается глубиной поэтического осмысления и тесным сопряжением как исторических процессов, так и вечных мировоззренческих вопросов бытия. С другой стороны, он, как двуязычный писатель (азербайджанско-русское двуязычие), в своих произведениях сочетает особенности ментальные особенности и культурные традиции тюркских и славянских народов.

Важное место в творчестве писателя занимает религиозно-философская тематика – понятие джихада и религиозно-идеологические основы движения горцев в XIX веке («Фатальный Фатали»), вечные нравственные ценности, выраженные в Коране («Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина»). Также отметим, что отмеченные романы отличаются злободневностью и актуальностью содержания и соответствует творческому кредо писателя: «Индивидуальное желание художников – дать портрет героя наших дней – велико, однако, реализация его наталкивается на какие-то трудно поддающиеся теоретическому объяснению внутренние преграды. Художником овладевает прежде всего нестерпимое желание бить тревогу по поводу тех случаев и фактов, когда идеал нарушается. Он стремится как бы предупредить общество, сигнализировать о тех явлениях, которые мешают воплощению идеального и героического» [1, 3]

В статье рассматривается роман, который интересуют нас в связи с отражением в нём восточных, точнее, коранических мотивов – «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» [2]. Вл. Соловьёв, словно подтверждая значительность такой темы, писал: «Если признавать в истории внутренний смысл и целесообразность, - отмечал он, - тогда, без сомнения, такое мировое

дело, как создание Ислама и основание мусульманской культуры, должно иметь провиденциальное значение, и миссия Мухаммада не может быть отнята у него.. » [3, 323].

Обращение к данной теме Ч. Гусейнова, в которой, по строгому жанровому определению, на наш взгляд, неправомерно видеть ни исторический роман, ни тем более теологический трактат, можно было бы считать некоей публицистической подначкой, рассчитанной на подобие брехтовского эффекта отчуждения от реальных и насущных проблем нашего социального бытия, если бы не одно но. Ч. Гусейнов всем своим предыдущим творчеством не замечен как художник-конъюнктурщик. (Вспомнить хотя бы роман «Семейные тайны», из-за чего он в одночасье стал в советские годы опальным в Азербайджане и вынужден был эмигрировать в Россию). И острота настоящего произведения связана как с нежеланием бежать от действительности («не для каждого, увы, чтение подобных сочинений, тем более читателя сегодняшнего... и моды пошли иные, но не всё ведь убежать во внешний мир, гнаться за текущим, придёт время, когда уходить будет некуда, кроме как в самого себя») [2, 5]; так и естественной скромностью пишущего расширенное эпическое повествование о богочеловеке («Впрочем, даже я сам порой спотыкаюсь, продираясь сквозь заросли слов, имеющих как будто в отдельности смысл, а в сцеплении становящихся, зачастую независимо от тебя, запутанными, головоломными») [2, 5]. У такого признания есть, на наш взгляд, веские основания: можно предложить серую и будничную жизнь по принципу: чтобы не выбирать между двумя возможностями, человек не выбирает ничего. Против такого эскапизма Чингиз Гусейнов выступает прямо и открыто.

Так и напрашивается параллель с одним из последних романов Камала Абдуллы «Неполная рукопись». Нам представляется, что в целом и общем совпадают изначальный информационный материал (свиток священной книги и заметки старца Деде Горгуда) и главное назначение книг (осветить великие проповеди Мухаммеда, с одной стороны, и исторический путь огузского общества раннего Средневековья на Востоке – с другой). В романе Камала Абдуллы одна тайна повсеместно порождает другую («тайна в тайну включена»); у Ч. Гусейнова пророк, потерявший всех близких в основном по мужской линии, также предполагает наличие цепи тайн, только ведомых не многомудрому хану, но лишь одному Аллаху.

«Выстроилась череда потерь: отец, мать, Абдул-Муталлиб, Абу-Талиб. И его черёд придёт в свой срок. Сыновья, даже от служанки-христианки... – всех забрал Бог, оставив лишь дочерей. Здесь была какая-то тайна, но знать бы какая?! » [2, 169]. Значимо, по нашему мнению, и поразительное совпадение осевого символического содержания этих книг: в романе Ч. Гусейнова, в мгновение ока войдя и вернувшись из небытия («небошества»), не пролить

воду из опрокинутого кувшина, то есть совершить действие против всех физических законов; у К. Абдуллы – устроить расследование по следам уже всем известных событий ради более высокой цели – спасения племени огузов от разложения. В том и другом случаях, как нетрудно видеть, совершается чудо против очевидности. Кстати сказать, одной строкой заметим, что по некоторым аналогичным художественным признакам письма, а также наличию обильной цитации и комментариев Ч. Гусейнова, как и К. Абдуллу в Азербайджане ныне причисляют к наиболее ярким писателям постмодернистской направленности.

Объективно роман Ч. Гусейнова ценен не только тем, что соотносит рождение мусульманского пророка с явлением миру священной книги, так как многие современные учёные и переводчики сходятся во мнении, что Коран был не написан (создан), но именно ниспослан свыше, но прежде всего подтверждением со слов автора исторической необходимости его появления на земле аравийской в начале VII века. С допустимой примесью художественного вымысла эту тайну раскрывает обычный монах небольшой поселковой мечети Бахира по сокрытым от глаз людских символических знакам («шрамы на груди, похожие на след кровососной банки» и «меж лопатками явственно обозначена печать») [2, 59].

Тем удивительнее, что простой монах без отмеченных мусульманским духовенством регалий сообщает наречённому (по смерти родного) отцу Мухаммеда Абу-Галибу следующий знаменательный факт: «... спеша избывть накопившееся, быстро заговорил об особом сиянии очей Мухаммеда, тайном знаке... что прихода Мухаммеда люди ожидают именно теперь, когда земля погрязла в нечести безверия, жестокостях и разврате, а невежество поставлено на большую высоту, и что о явлении пророка сказано в древней книге» (курсивы автора) [2, 59].

Некоторые люди, непосредственно общавшиеся с Мессией, прежде замечали и необыкновенный дар красноречия и провидения, умение видеть незримое и слышать ушам смертных недоступное. Подключаясь к анализу этого явления, автор сам активно входит в сюжетную ткань, задаваясь этим вопросом, надо полагать, вполне искренне: «Привычно, когда до одури спорят иудей с иудеем, но где юноша наслышался историй? У какого мудреца подмастерьем был, что уши его улавливали знание, взгляд примечал удивительное, сердце наполнилось чуткостью?» [2, 49]. Но только упомянутый монах сумел, по предположению писателя, подлинно открыть для людей мусульманского пророка, а в дальнейшем предсказал и его благие деяния. «Письмо, - говорил другой старец, - это то, что может читаться, если ясно выведены буквы. А написать – то же, что постичь половину знания!.. И далее торжественно провозглашал: «Мысль! Звук! Знак! Священнодействие! С богами общение!» [2, 81] и т.д.

Наиболее существенным художественным открытием Чингиза Гусейнова в этом романе является, по нашему мнению, смелое и последовательное описание жестоких гонений на Мухаммеда, которым он подвергался всю свою жизнь со стороны арабского духовенства (после смерти наиболее одиозной части мусульманского населения из состава общеизвестного арабского Халифата). Воистину в не православном творении ума человеческого вновь подтверждена неписаная истина о том, что нет пророка в отечестве своём. Эта мысль оказывается многоступенчатой и создаётся как литературными героями, так и общим содержанием всего произведения в целом. Скажем, тот же монах Бахира, узревший свет очей пророка, грозно предрекает: «Именем Бога Единого тебя заклинаю: если приедешь с Мухаммедом в Сирию, иудеи убьют его! ... Я даже знаю, - продолжает чревоушитель, - имена иудеев, которые вознамерятся убить...» [2, 59].

Это суровое пророчество явилось отправной точкой в цепи беспрестанных гонений. С появлением таинственного монаха, по идее автора, с одной стороны, утверждается его величайшая миссия на Земле («Мухаммед – посланник Всевышнего Аллаха..., посланный с тем, чтобы «передать людям его Повеление») [2, 178]. С другой стороны, читатели, вероятно, с удивлением обнаружат, что ставленник Божий по роковому стечению обстоятельств стал вне Закона и, оказавшись выше толпы, ею же был абсолютно не понят, не признан и бит. «Надсел!.. Кто-то кинул в него камень, а следом, когда Мухаммед, пытаясь перекричать толпу, что, мол, выступает перед мекканцами не сам по себе, а лишь как посланник Бога, сын Абу-Лахаба... бросил в Мухаммеда по наущению отца кровавую баранью кишку:

– Вот тебе дары за пророчество!» [2, 142].

Это вознамерились протестовать те мекканцы и жители окрестных городов Аравии, кому Мухаммед своими «пророческими дарами» пытался открыть глаза на бренность земного пути, пронести в толпу с небес свет от Бога, им, кто «не владел и весом песчинки на небе и на земле!» [2,142]. В сущности мы можем заключить, что суть большинства проповедей мусульманского пророка сводилась не только к почитанию единого Бога, что ещё могло быть приемлемо среди «непросвещённых арабов» тех отдалённых веков, но главным образом в передаче из уст Аллаха незыблемых для всех времён, наций и народностей моральных норм человеческого общежития, законов и заповедей.

Роман Чингиза Гусейнова в данном отношении буквально переполнен ими, становится, на наш взгляд, такой важной композиционной частью повествования, которая временами вообще перекрывает любые другие идеи и предположения, становится специфической надсюжетной деталью, приобретающей при этом вполне самостоятельное значение. Невольно всплывает в памяти известная ремарка академика В.В. Виноградова: «В

современном русском языке насчитывается такое множество исключений из правил, что порою и не знаешь, можно ли какие-нибудь группы исключений принимать уже за новые правила». Так и в настоящем случае: основная цель и идейное назначение романа Ч. Гусейнова, по элементарной логике, состоит в апокрифическом жизнеописании великого пророка Мухаммеда. Однако курсивом набранные многочисленные проповеди и заповеди, как нож сквозь масло, «прорезают» это произведение в целом и общем, выступая также в форме вставных эпизодов, в сносках, всевозможных авторских комментариях и иного рода дополнительных пояснениях к основному кораническому тексту. Перефразируя В.В.Виноградова, можно сказать, что эти исключения из правил составляют теперь уже основу романа, и сами становятся ведущими идеями, точнее, отражением авторских мыслей, предположений, гипотез, то есть правилами.

В качестве иллюстративного примера приведём (выборочно) только одну из характерных проповедей, которые объективно вполне пригодны к исполнению и сохранению для современного человечества:

«Не почитать другого Бога, кроме Аллаха; Тем, кто принял новую веру, содержать дома свои в опрятности, избавиться от идолов, стремиться к чистоте помыслов, дел и поступков; Быть верным данному слову: сказал – не отказывайся, сказал – не думай иначе, сказал – не поступай противно; Не зариться на чужое добро; Не покушаться ни на чью честь; Не лгать и не лжесвидетельствовать, измышляя клевету; Подавлять в себе гордыню» [2, 179].

О последней заповеди, согласно священному свитку, Мухаммед говорил неоднократно и настойчиво, а подтверждение мы находим в классическом примере, взятом писателем из анналов древней истории. Так, речь в романе особо заходит о периоде расцвета Сасанидской Персии, правители которой мнили себя центром Вселенной. В ней, как напутствовал Мухаммед, методом от противного должно искоренять гордыню вознёсшихся. По этому поводу он замечает: «...будто бы семь островных стран, и все семь известных климатов, да столько же сфер в небе, за которыми неподвижные звёзды и горний рай, и посреди всего мироздания, как пуп на теле человечьем, - Персия» [2, 41]. Ирония в словах проповедника здесь налицо, к тому же зримые ассоциации могут возникнуть в умах современных людей, которые хорошо помнят и другое известное изречение, но только из уст Христа: не возгордись именем своим, ибо вознёсшемуся в гордости своей до небес после больно падать.

Но, к сожалению, лишь малое количество людей шли за восточным учителем. Непонимающие – сторонились; недооценившие – старались избегать публичных выступлений перед паломниками; духовные лица, вносящие разлад в объединение арабских племён – побаивались и т.д. С увлечением и пользой для себя читаешь в романе, к примеру, о том, как люди абсолютно несовместимой с нами эпохи по созданию бюрократической

машинны подкупа и шантажа изыскивали коварные и изощрённые приёмы отстранения от власти либо ослабления влияния на массы. Глава членов Совета духовных общин в Мекке, словно дьявол Фауста, соблазняет обретением богатства и чести, достижением славы в народе, мнимыми обещаниями ложной свободы для себя лично. «Что ещё? – вопрошает льстец. – Власть и деньги – мечта мужчины. Деньги у тебя есть. А власти нет. Если желаешь, изберём наиглавнейшим в совет старейшин Мекки... Может, в тебя вселились шайтаны? Призовём искусных врачевателей Аравии, Базанса и Абассии, исцелим, на расходы не поскупимся!» [2, 144-145.]

Уважаемый и почитаемый старейшинами в Мекке Абу-Сафьян от имени всех «других родов курайшей – максумов, таймитов, и амавитов, которые, так же как он сам, из рода абд шамса и с давних пор претендуют на власть над Каабой» [2, 143] беззастенчиво предлагает обменять Мухаммеда на «прилежного и обладающего богатырской силой раба» [2, 144]. Спрятать, устранить, лишить народной поддержки, обесславить – вот основная цель некоторых предводителей, душивших, по мнению Гусейнова, святую и свободную религиозную мысль ещё в VII веке. Политическим подспорьем служило, в частности разглагольствование Абу-Сафьяна о том, что мнящий себя пророком якобы поднимал руку на традиционных богов и идолов, почитаемых не только в Мекке и Каабе, но и на всём мусульманском Востоке.

Но страшнее всего были стоящие у власти, подобные палачам. Именно в их среде рождалась неприязнь, вскоре переходящая в открытую и ничем не сдерживаемую ненависть. Приходится констатировать, что, по свидетельству автора, даже самая первая фраза одного из центральных разделов священного свитка звучала как приговор, обжалованию не подлежащий: «Убить – что есть проще? (обведено, как подчёркивает писатель, синими чернилами и заявлено как заголовок)» [2, 147].

И, наконец, отметим, что, помимо генеральной линии сюжетного повествования о деятельности пророка Мухаммеда, писатель умеет чётко и красочно воспроизводить восточный колорит эпохи, в которой религия и политика для правящих кругов Аравии не только сливались всеедино, но и нередко являлись предметом раздора племён. И тогда, глубоко внедряясь в психологию человека своего времени, на политические проблемы с религиозным подтекстом автор смотрит их глазами, говорит их устами. «Судьба переменчива, размышляют те герои романа, которые обладают передовым мировоззрением. Чаша дружбы и вражды на аравийских весах колеблется: то христиане благоволят мекканцам, а иудеи, напротив, в ссоре, то не поймёшь отчего, эти настроены миролюбиво, а те впали вдруг в озлобление, будто их чем обидели. Так не лучше же ли нам, мекканцам, в итоге приходят они к единому выводу, - коль не на кого опереться, не брать себе в сподвижники ни тех, ни других? » [2,41].

Итак, подведём краткие итоги статьи. После А. Пушкина, И. Бунина, И. Бродского и некоторых других выдающихся поэтов и писателей в романе Чингиза Гусейнова «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» на рубеже веков происходит новый виток в деле возрождения коранических мотивов. Прежде всего было сосредоточено внимание на жанровой природе этого синтетического произведения. Что перед русским читателем – роман исторический, теологический, ретро-разбор предшествующей литературы на означенную тему, приключенческо-развлекательный либо тяготеющий к сухой и номенклатурной документалистике? Мы пришли в настоящей статье к убеждению, что по характеру изложения основных событий – гонений на великого мусульманского пророка освещение многочисленных нравственных заповедей, содержащих в Коране, это роман философский с элементами художественного вымысла. Можно также утверждать, что произведение нашего видного соотечественника представляет собой причудливый синтез достоверных, то есть исторически выверенных фактов, с оригинальной религиозной перспективой и обрамлённых художественным вымыслом в пределах допустимого при разработке столь необычной темы, какой является отражение сути проповедей Мухаммеда при его непосредственной связи с появлением священной книги.

Түйіндеме

Мақалада Чингиз Гусейновтің романындағы діни құндылықтар жүйесі мен оның көркемдік мәні сөз етіледі. Автор дін мен саясаттың тығыз астарласқан дәуірінің шығыстық орнегін дөп көрсете білген. Талдау нәтижесі бойынша автор көркемдік қиял элементтері бар философиялық роман деген шешімге келеді.

Resume

The article is due to the system of religious views in the novel written by Chingiz Guseinov and its artistic interpretation. The author describes the eastern colour of the epoch which includes the tangle of religion and politics. As a result of analysis the author concludes that the novel is a philosophical novel with elements of artistic fiction

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гусейнов Чингиз. Избранное. - М.: Художественная литература, 1988. - с.3-7.
2. Гусейнов Чингиз. Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина. Роман. Кораническое повествование о пророке Мухаммеде. - М.: Вагриус, 2003. - 511 с.
3. Соловьёв В.С. Избранное // Составитель А.В. Гулыга, С.Л. Кравец. Вступительная статья А.В. Гулыги. Примечание С.Л. Кравца. - М.: Советская Россия, 1990. - 496 с.